

УДК: 343.9

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law, Full Professor,
Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology
of the Crimea branch of the Krasnodar University of the
Ministry of the Interior of Russia;
aleksandrignatov@mail.ru

**Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития
человечества. Часть 3: постиндустриальный период**

**Violence as a fundamental trend in the civilizational development of humankind.
Part 3: post-industrial period**

Аннотация. В данной публикации автором проведено исследование насилия как многомерного феномена в динамике социокультурной эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию и рефлексии в контексте традиционного (доиндустриальный период) и техногенного (индустриальный и постиндустриальный период) этапов цивилизационного развития. Выявлено, что на протяжении всей эволюции человечества насилие выступает в качестве одного из фундаментальных трендов данного процесса. Статья посвящена исследованию феномена насилия в социокультурной эволюции человечества в постиндустриальный период цивилизационного развития.

Ключевые слова: насилие, общество, человечество, цивилизационное развитие, тренд, постиндустриальный период.

Annotation. The study of violence as a multidimensional phenomenon in the dynamics of the socio-cultural evolution of humankind and the transformations of the main approaches to its understanding and reflection in the context of the traditional (pre-industrial period) and technogenic (industrial and post-industrial period) stages of civilizational development is carried out. It has been revealed that throughout the evolution of humankind, violence acts as one of the fundamental trends in this process. The article is devoted to the study of the phenomenon of violence in the socio-cultural evolution of humankind in the post-industrial period of civilizational development.

Key words: violence, society, humankind, civilizational development, trend, post-industrial period.

Исследование феномена насилия в социокультурной эволюции

человечества в доиндустриальный период цивилизационного развития (в традиционном обществе) позволило сделать вывод о том, что насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствует определенный уровень и формы проявления насилия. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек научился использовать насилие как средство достижения разных целей, а улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти. Уже в эпоху религиозного средневековья, когда насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции, можем наблюдать начало одной из ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. В то же время, духовное развитие человека существенно влияет на социальную рефлексию насилия и специфику его проявлений[1].

В индустриальный период цивилизационного развития позволило установить, что в индустриальном обществе утверждается санкция государства (как единого субъекта власти) на насилие как важнейший общественный регулятор, таким образом, вместе с рационализацией происходит легитимация насилия, а создание бюрократических механизмов и аппаратов силового воздействия выступает инструментализацией самого насилия, а значит, его усилением. Практически неизменной остается социальная рефлексия как противоправных (недозволенных, запрещенных) таких устоявшихся в человеческом обществе форм насилия, как убийство, изнасилование, разбой и т.п. Такого рода «негосударственное» насилие систематизируется и кодифицируется. В то же время, эпоха тотально организованных идеологий ознаменовала на глобальном уровне смещение основного вектора насилия в идеологическое противостояние. С позиций диалектики внутреннего и внешнего, т.е., анализируя эволюцию феномена насилия в условиях разновекторных социокультурных трансформаций индустриальной эпохи, можем сделать вывод о том, что обоснование необходимости насилия, а также, монополия на его применение с «благой» целью регулирования общественного порядка утверждается как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне постепенно, в меру становления западноевропейской цивилизации и распространения сферы ее политического, экономического и культурного доминирования в мире[2].

Постиндустриальный период цивилизационного развития дает начало новым событиям в истории культуры, которые повлияли на динамику и масштабы проявления насилия. На заре постиндустриальной эпохи цивилизационного развития мировое сообщество столкнулось с такими острейшими проблемами, как экономическая нестабильность, рост социальной

напряженности, растерянность и отчаяние перед лицом общественных катастроф, трагическим опытом тоталитарных режимов, противостоянием мировых лидеров и т.п.

Череда кризисов, охвативших Европу со второй половины XIX ст., в динамике глобализационных процессов XX ст. приобретает уже системный, глобальный характер и влияет непосредственно на ухудшение криминологической ситуации. Различные исследования философов и историков свидетельствуют о том, что прошлое столетие было одним из наиболее переломных моментов всей человеческой истории, наполненным глубинными изменениями в самом векторе цивилизационного развития, в связи с чем, характеризуется понятием «постсовременная эпоха»[3]. Специфику нынешнего социального развития часто обозначают понятием «транзитивное общество» [4, с. 5-13] и др. Его основными чертами выступают: постиндустриальный переход, информационная революция, антропологический кризис, глобализация, технологизация и пр. Не вдаваясь в детали, отметим, что главной обобщающей характеристикой современного транзитивного общества выступает нестабильность, продуцирующая различные социальные риски, которые, растягиваясь во времени, накапливаются незаметно, плохо подвергаются осмыслению и контролю и, в конечном итоге, фактически дают о себе знать, в том числе, в форме таких явлений, как насильственная преступность.

Две мировых и «холодная» войны, атомные бомбардировки Японии, феномены ГУЛАГа и Освенцима, Чернобыльская катастрофа и мировой экологический кризис, голод и геноцид целых народов, глобализационные проблемы, международный терроризм, в конце концов, авантюры США и НАТО в центре Европы (Балканы), Центральной Азии – вот те события, которые иллюстрируют общий социальный контекст XX ст. Эти события – яркий пример всплеска насилия и жестокости постиндустриальной эпохи. Опасность проявления насилия на всех уровнях особенно актуальна в условиях накопленного за несколько столетий мощнейшего научно-технологического и военно-технического потенциала современной цивилизации.

С точки зрения многих представителей современного гуманитарного знания (Д. Белла, Э. Тоффлера, Дж. К. Гилбрейта, У. Ростоу, Р. Арона, З. Бжезинского), постиндустриальная эпоха характеризуется динамическим процессом глобальной модернизации всех сфер общественной жизни. Так, по мнению Д. Белла, автора концепции постиндустриального общества, этот этап связан главным образом с развитием компьютерных технологий, а в его основе лежат следующие инновационные технологические процессы:

- 1) переход от механических, электрических, электромеханических систем к электронным, приведший к невероятному росту скорости передачи информации (оперативная скорость современного компьютера измеряется нано- и даже пикосекундами);

- 2) «сжатие», миниатюризация, т.е., значительное изменение величины конструктивных элементов, проводящих электрические импульсы;

- 3) дискретная передача информации с помощью цифровых кодов.

В конце концов, современное программное обеспечение позволяет быстро и одновременно решать разные задачи без обязательного знания какого-либо специального языка [5; 6].

Таким образом, постиндустриальное общество представляет собой новый принцип социально-технической организации жизни. Так, Д. Белл выделяет главные преобразования, которые были осуществлены в американском обществе, вступившем в период постиндустриального развития:

а) в сферу услуг включились новые отрасли и специальности (анализ, планирование, программирование и др.),

б) коренным образом изменилась роль женщины в обществе – благодаря развитию сферы услуг произошла институционализация равноправия женщин;

в) совершился поворот в сфере познания – целью знания стало приобретение новых знаний;

г) компьютеризация расширила понятие «рабочее место».

Основным вопросом перехода к постиндустриальному обществу Д. Белл считает успешную реализацию следующих четырех равновеликих факторов:

1) экономической активности;

2) равенства социального и гражданского общества;

3) обеспечения надежного политического контроля;

4) обеспечения административного контроля[6].

Следует отметить, что характерные для постиндустриальной эпохи мощные, а временами - резкие и непредсказуемые в своих проявлениях процессы демократизации и либерализации общественной жизни во многих странах таят в себе скрытые криминогенные риски. Коренные общественные преобразования традиционно сопровождаются осложнением криминогенной обстановки практически во всех обществах. Это в немалой степени обусловлено типичным в такой ситуации «хроническим» опозданием правового обеспечения большинства политических, экономических и социальных изменений трансформирующегося общества.

Коренное изменение характера общественных продуктивных сил, выразившееся в резком возрастании роли и значения науки и техники, обусловлено переходом к научно-технологическому способу производства и, соответственно, к постиндустриальной эпохе, что породила новое измерение для развертывания феномена насилия – глобальное информационное общество. В процессе технологизации всех сфер жизни социума информация становится основным средством достижения власти и свободы, а также - инструментом манипуляторного влияния на массы.

В глобальном информационном обществе доминирует уже не тот, кто владеет наибольшей военной силой или наибольшими богатствами, а кто владеет большими объемами информации (знаний) и умеет эффективно их применять. Благодаря научно-технической революции, знание, в частности научное, становится основой власти в информационную эпоху, подчиняя себе и силу, и богатство. Изменяется и сам вид власти – отказываясь от прямого и грубого господства и насилия, она приобретает более мягкие формы воздействия и доминирования. Так, например, информационное насилие над

личностью, реализующееся с помощью масс-медиа: «Насилию всегда была присуща высокая степень технологичности, но в наше время медиализация и зрелищность оказываются его первостепенными характеристиками: сцену публичной смертной казни в XVII ст. нельзя сравнить со зрелищем террористического акта в начале XXI ст. по своим целям, масштабам, воздействию и размерам аудитории» [7, с.5].

По мнению выдающегося философа Ж. Бодрийера, одной из причин роста насилия в постиндустриальную эпоху является рождение «общества потребления», сам способ повседневного существования которого опосредствован рационально дозированным регулярным насилием над личностью: она живет в мире, который создается не ею самой, а «наилучшей цивилизацией» с претензией на вечность, в которую ее погружают, изображая все другие альтернативы как негуманистические, нецивилизованные, варварские (яркий пример – сценарии американских художественных фильмов). По словам Ж. Бодрийера, «... насилие наших дней передано повседневной жизни в гомеопатических дозах – как вакцина против неизбежности – чтобы устранить призрак *реальной* хрупкости этой умиротворенной жизни, ибо не призрак нехватки преследует цивилизацию изобилия, а призрак хрупкости. ... И фактически, он устраняется, благодаря обращению к потребленному, обработанному, гомогенному насилию» [8, с.221]. «Общество потребления» подспудно стремится превратить человека в роботоподобное «плоское» существо, что живет «здесь и сейчас». Но человек бунтует против этого, часто без толку и безжалостно к себе и к другим, невольно и бессознательно приобщаясь к насилию, которое проявляется в непонятной и бесцельной жестокости к окружающим, в бессмысленных и ничем не мотивированных, на первый взгляд, преступлениях.

В «обществе потребления» все становится игрой, товаром, знаком, явлением, но не самой сутью. «Факт, что сегодня когда-то смертельные враги разговаривают друг с другом, что крайне противоположные идеологии ведут «диалог», что установлен на всех уровнях род мирного сосуществования, что обычаи смягчаются – все это совсем не означает «гуманистический» прогресс в человеческих отношениях, большее понимание проблем и иную бессмыслицу. Это просто означает, что идеологии, мысли, добродетели и недостатки, будучи в конечном счете только материалом обмена и потребления, несмотря на свои противоречия, уравниваются в игре знаков» [8, с.220].

В данное время, насилие, как отмечает Ж. Бодрийер, приобрело новый вид – СМИ сделали его общедоступным. Информация о насильственных актах мгновенно появляется на первых страницах газет, в телевизионных новостях, не говоря уже о фильмах, где насилие пропагандируется в многочисленных видах, и это намного «интереснее», чем какое-то событие культуры. Люди в такой степени стали чужими друг другу, что насилие становится обычаем, хотя бы на миг возвращающим людей к ближним. Как утверждает Ж. Бодрийер, в своей основе насилие – это, скорее, отсутствие события. Насилие взрывает равнодушие, политическую пустоту, а не злобу той или иной группы людей, молчание истории, а не психологическое угнетение индивидов [9, с.8].

Итак, можно констатировать, что на протяжении последнего столетия

произошли самые сложные социокультурные трансформации на глобальном и региональном уровнях общественного развития. К ним, прежде всего, следует отнести такие основные особенности постиндустриальной эпохи, как глобализацию и технологизацию большинства сфер жизни человека [10, с.17]. Если первый мегатренд оказывает содействие росту международной интеграции, актуализируя вопрос о судьбах уникальных самобытных культур, то второй приводит к виртуализации самого концепта человека, угрожающей полной потерей им не только личностной, но и социальной, религиозной и культурной идентичности.

Если рассматривать насилие как воздействие (в том числе, силовое) на человека или группу людей, противоречащее их воле, а также - физическим и биологическим закономерностям, правовым нормам, моральным принципам, то можно констатировать, что в любой, даже самой примитивной, силовой форме всегда есть информационная составляющая.

Новейшие технологии усиливают опасность информационного насилия. Такая форма насилия имеет естественные предпосылки и выступает особой формой социального насилия, где информационная составляющая в результате инверсии приобретает самостоятельную сущность. Авторы монографии «Социальная антропология насилия» в контексте критики информационной цивилизации пишут: «Мощь информационных потоков не сдерживается ни моральными, ни культурными границами. На нас обрушивается мощный поток информации, влияющей на общественное сознание и чувства. Информационная компонента (не материальная и не энергетическая) содержится в любом насилии, но с эволюцией общества ее роль возрастает» [11, с.93].

Таким образом, характерные для постиндустриальной эпохи научно-технологический способ производства, технологизация и тотальная информатизация всех сфер жизни социума породили новое измерение для развертывания феномена насилия – *глобальное информационное общество*. В результате в современную эпоху феномен насилия приобретает невиданные прежде черты: вместе с существованием «традиционных», устоявшихся форм насилия, эскалацией насилия во все сферы жизни социума, из сферы реального, видимого воздействия оно в значительной мере переходит в скрытую сферу виртуального воздействия.

Сегодня уже невозможно игнорировать проблему интенсивной трансформации насилия, вечно сопровождающего человечество на пути его цивилизационного развития, из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного) [12, с.59-65]. Это неизбежно происходит в силу технологизации и информатизации, а, в частности, виртуализации нашей жизни. Параллельное существование, наряду с обычной реальностью, виртуальной реальности предполагает и виртуальную социализацию личности, криминогенность которой обуславливается заменой обычных социальных норм (сегодня крайне нестабильных и малоликвидных особенно среди молодежи) нормами киберпространства (виртуального мира). Эффект он-лайн дезингибиции и возможность трансформации собственной личности или создания альтернативной личности (при одновременной постепенной утрате

собственного реального-«Я»), отсутствие необходимости применять реальные физические усилия для совершения различных деяний, отсутствие реального ощущения их последствий, приводит не только к появлению новых виртуальных форм деликвентного поведения, но и к перенесению в реальную жизнь субъективного ощущения вседозволенности и безнаказанности. В результате, последствиями троллинга и буллинга в Сети являются реальные жертвы суицида, а нас пока еще шокируют выходы стрелков-игроманов, расстреливающих по сценарию любимой «игрушки» людей на улицах, в торговых центрах и школах [13, с.94-100].

Различные исследования фиксируют снижение уровня физического насилия в истории человечества [14; 15; 16; 17; 18]. Исследователи объясняют неустойчивое сокращение на протяжении тысячелетий интенсивности социального насилия и доли жертв социального насилия от общей численности населения, имеющее место, несмотря на рост убойной мощи оружия и демографической плотности населения планеты, правилом этологического баланса – положительной зависимостью между естественной вооруженностью вида и силой естественного торможения внутривидовой агрессии [17, с.79]. Применительно к человеческому виду – моделью техно-гуманитарного баланса – чем выше технологический потенциал (мощь производственных и боевых технологий), тем более, совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения социальной системы и, соответственно, ее внутренняя устойчивость [19, с.18-35]. А иллюзию роста насилия в современном обществе – психологическим эффектом ретроспективной аберрации – неудовлетворенностью наличным положением дел сопутствующей объективному улучшению обстановки в любой сфере социального бытия [20, с. 112].

Но, действительно, рост насилия в жизни человечество столь иллюзорен и в реальности имеет место снижение его уровня? Либо же, уровень насилия является одной из констант человеческой эволюции и имеет место лишь совершенствование каналов сублимации агрессии, обеспечивающее не снижение уровня насилия, а изменение форм его проявления?

Отвечая на вопрос: Если теория антропологических констант справедлива, то куда при последовательном (хотя и нелинейном) сокращении уровня убийств в истории уходит подавляемая агрессия, не получавшая естественного выхода, и «нерастраченное» физическое насилие? – Н.А. Балашова указывает на то, что на протяжении культурно-исторической эволюции происходит постепенная виртуализация насилия – изменяется пропорция его физических (особенно смертоносных) и нефизических форм. Данный процесс обеспечивается возможностью отсроченного психического ответа и феноменом переадресации агрессии. Относительное сокращение смертоносного насилия обеспечивалось его последовательным вытеснением в искусственно созданные виртуальные пространства, т.е., в процессе социально-культурной эволюции основным средством превращения физического насилия становится его виртуализация, как переход в символически опосредованные формы [21, с.45-54].

Не углубляясь в проблему того, какую функцию выполняет «виртуальное» насилие – катарсическую, способствуя переходу агрессии из физической реальности в игровую, или какую-либо иную, следует признать, что изменяющееся соотношение физического и виртуального насилия в ходе культурно-исторической эволюции сопровождалось последовательной унификацией не только социальной, но и виртуальной среды, а с появлением новых и новейших информационных технологий становится возможным создание невероятно реалистичных визуальных образов насилия [22, с.136, 142].

Виртуальное пространство «оттягивает» на себя часть накопленной агрессии, что, в свою очередь, способствует сокращению числа насильственных действий и изменению соотношения физического и нефизического насилия в пользу последнего. Использование виртуальной реальности в качестве резервуара для сброса агрессии при современном уровне развития технологий дает огромные перспективы и может существенно изменить привычную картину решения как микро-, так и макрогрупповых конфликтов [22, с.145-146].

Возможно, виртуальное пространство, являясь одним из множества механизмов, обеспечивающих устойчивость цивилизационной системы и ответом на глобальные вызовы технологического развития человечества, действительно может выступать «замещающим объектом» – своеобразным «козлом отпущения», призванным сублимировать внутривидовую агрессию [22, с.146]. Однако виртуальное пространство само успешно формирует и продуцирует различные (как «традиционные», так и инновационные [23, с.82-89]) формы насильственного поведения.

При этом «резервуар виртуального пространства» на сегодня переполнен агрессией и насилием, а мы «не можем с полной уверенностью утверждать, что если данная тенденция была характерна для предыдущих исторических периодов, то она продолжится и в будущем. Возможно, существует некий предел адаптации психики и сокращения насильственных показателей» [21, с. 53]. Современные технологии, прежде всего, информационные, самым существенным образом влияют на параметры, как восприятия, так и продуцирования насильственных форм поведения человека.

Информационно-когнитивные технологии конструируют и канализируют насилие и иные деструктивные формы поведения человека, поскольку пространство (искусственный мир), создаваемое при помощи специальных средств погружения (технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальностей) и голографических технологий, является сугубо унифицированным, поскольку содержит возможные варианты и сценарии, заложенные разработчиками, а общение людей в интернет-пространстве канализируется и различного рода администраторами и модераторами.

Отсюда, роль виртуального пространства как сугубо «замещающего объекта» весьма сомнительно. Более того, существует угроза «выплеска» накопленного в «резервуаре виртуального пространства» насилия в реальный мир. Существующее неприятие ключевых («доступ-имеющих») акторов

возможности «демократического» управления Интернетом и виртуальным пространством в целом свидетельствует о стремлении к монопольному управлению данной сферой нашей жизни. При этом в контексте трансформации физических и нефизических форм насилия возникает вопрос об эволюционной закономерности развития человечества либо управляемом процессе канализации врожденного деструктивного потенциала представителей человеческого вида. А если выключат свет?! В случае «отключения» населения, его части, от Интернета и иных средств массовой коммуникации существует обоснованный риск компенсаторного выхода сублимированной агрессии и накопленного, информационно канализированного насилия из сферы виртуального в реальную жизнь – в семью (микро-социум), в межличностное общение, на улицы.

В целом, мы можем резюмировать следующее. Применение исторического и интервального подхода, а также - диалектического метода, позволило в результате исследования насилия как многомерного феномена [24; 25], в динамике социо-культурной эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию и рефлексии в контексте различных этапов цивилизационного развития, выявить следующие его характерные особенности:

- насилие, имея глубинную антропологическую природу, выступает одной из констант цивилизационного развития человечества – изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации;

- в процессе социо-культурной эволюции человечества изменяется понимание сущности феномена насилия и подходы к его осмыслению. Рефлексия социумом насилия как такового происходит только при условии противоправности (недозволенности, запрещенности) такого насилия. Независимо от уровня и направленности культурного развития общества (в том числе в части разнообразия подходов к определению противоправности тех или иных форм поведения) анализ процесса цивилизационного развития указывает на практически не изменяющееся в течение истории восприятие человечеством как противоправных (недозволенных, запрещенных) таких форм насилия, как убийство, изнасилование, разбой и т.п.;

- по мере социо-культурной эволюции человечества, акцент в сущности феномена насилия переносится с его сугубо биологической (инстинктивной) природы в социальную плоскость. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек научился использовать насилие как средство достижения разных целей, а улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти;

- на трансформацию феномена насилия и его рефлексии социумом важное влияние имеет становление и развитие таких социальных институтов, как:

– 1) семья: от запрета на убийство родственника в родоплеменном обществе к запрету насильственных (включая психическое воздействие) методов воспитания в современном обществе;

– 2) религия: интенсивное распространение религиозных взглядов в части духовного развития человека, утверждение базовых человеческих ценностей и формирование установки на их охрану сыграло значительную роль в социальной рефлексии насилия, в частности в ограничении его проявлений в жизни человека; в то же время, несмотря на присущую сегодняшней цивилизации консолидацию мировых религий, оно было постоянным источником насильственных конфликтов;

– 3) политика: во все времена от закрепления государственности и государственных идеологий (начиная с позднего средневековья) к эпохе тотально организованных идеологий (особенно актуальных в современный период глобализации) политика определяла критерии легитимности «государственного» насилия и кодифицированность (системное определение преступности и наказуемости отдельных форм поведения в законе) преступного насилия;

– в ходе эволюции человечества, возникновения и формирования новых сфер жизнедеятельности социума происходит и эскалация насилия в них. Непосредственное влияние на данный процесс оказывает технологическое развитие человечества. Так, в наше время становление глобального информационного общества обусловило переход насилия из сферы реального, видимого воздействия в значительной мере в скрытую сферу виртуального воздействия, т.е., из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного). При этом современные технологии, прежде всего информационно-когнитивные, существенным образом влияют на параметры, как восприятия, так и продуцирования насильственных форм поведения человека.

Именно данные сущностные характеристики насилия, определяющие его роль в социо-культурной эволюции человечества, позволяют рассматривать насилие в качестве индикатора стабильности социальной системы и критерия оценки преступности человеческого поведения, характера и степени общественной опасности отдельных деяний и, соответственно, адекватности мер, направленных на обеспечение безопасности и мирное сосуществование.

Литература:

1. *Игнатов А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 1: доиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 2.*

2. *Игнатов А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 2: индустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 3.*

3. *Подорога В. Постсовременная эпоха и антропологический кризис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SOr79M7iBYE&index=17&list=PLEvx9jtWu9Xakmlmd0xrPmLOQYyHb7P6D>*

4. Данильян О.Г. Протириччя процесу розвитку культури в транзитивному суспільстві та міжцивілізаційні конфлікти // Вісник Національної юридичної академії України ім. Ярослава Мудрого. Сер. Філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2009. – № 1. – С. 5-13.
5. Белл Д. Третья технологическая революция и ее возможные социальноэкономические последствия. – М. : ИНИОН, 1990.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. [и со вступ. ст., с. VII-LXXXIV] В. Л. Иноземцева. – Москва : Академия, 1999. – 783 с.
7. Визуальное (как) насилие: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс : ЕГУ, 2007. – 380 с.
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
9. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М. : Добросвет, 2000. – 258 с.
10. Ильянович Е. Б. Технокультура глобального гражданского общества // Материалы междунар. науч.-практ. конференции «Гражданское общество: истоки и современность». – Севастополь, 2013. – С. 17-18.
11. Социальная антропология насилия / под ред. В. Н. Ярской. – Саратов : Саратовский гос. технический ун-т, 2005. – 116 с.
12. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (37). – С. 59-65.
13. Игнатов А.Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 94-100.
14. Буровский, А.М. Бытовой фон насилия. Литературные размышления историка // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 1. – С. 33-49.
15. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
16. Назаретян А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? (развернутый комментарий к статье А.М. Буровского) // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 150-170.
17. Социальное насилие в прошлом и настоящем. Материалы семинара (А.П. Назаретян, А.В. Коротаев, Д.А. Халтурина, Л.Е. Гринин, Л.Б. Алаев, В.А. Мельянцева, А.Д. Панов) // Историческая психология и социология истории. – 2008. – Т. 1. – № 1. – С. 79-120.
18. Pinker, S. 2011. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York, NY: Viking Adult.
19. Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент Мегаистории // Век глобализации. – 2015. – № 2(16). – С. 18–35.
20. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. – 4-е изд. – М.: Аргамак-Медиа, 2017. – 512 с.
21. Балашова Н.А. Виртуализация насилия как мегатренд социальной эволюции // Век глобализации. – 2017. – № 4. – С. 45–54.

22. Балашова Н.А. Физическое и виртуальное пространства реализации социального насилия // Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т. 5. – № 2. – С. 136-147.

23. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2. – С. 82-89.

24. Игнатов А.Н., Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 133-141.

25. Игнатов А.Н., Семенова Е.Г., Ильянович Е.Б. Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 94-104.

Literature

1. Ignatov A.N. Violence as a fundamental trend in the civilizational development of mankind. Part 2: pre-industrial period // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 2.

2. Ignatov A.N. Violence as a fundamental trend in the civilizational development of mankind. Part 2: industrial period // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 3.

3. Podoroga V. Postmodern era and anthropological crisis [Electronic resource]. – Access mode: <http://finam.fm/archive-view/4869/1/>.

4. Danilyan O.G. Protecting the process of development of culture in a transitive suspension and interdisciplinary conflict // News of the National Legal Academy of Ukraine im. Yaroslav the Wise. Ser. Philosophy, philosophy of law, politics, sociology. – 2009. – No. 1. – S. 5-13.

5. Bell D. The third technological revolution and its possible socioeconomic consequences. – M.: INION, 1990.

6. Bell D. The coming post-industrial society: the experience of social forecasting. from English ed. [and with entry. Art., p. VII-LXXXIV] V.L. Inozemtseva. - Moscow: Academy, 1999. – 783 p.

7. Visual (as) violence: Sat. scientific. tr. / resp. ed. A.R. Usmanova. – Vilnius: YSU, 2007. – 380 p.

8. Baudrillard J. Consumer Society. Its myths and structures. – M., 2006. – 269 p.

9. Baudrillard J. Transparency of evil. – M.: Dobrosvet, 2000. – 258 p.

10. Ilyanovich EB Technoculture of the global civil society // Materials of the international. scientific-practical conference «Civil society: origins and modernity». – Sevastopol, 2013. – S. 17-18.

11. Social anthropology of violence / ed. V.N. Yarskoy. – Saratov: Saratov state. technical un-t, 2005. – 116 p.

12. Ignatov A.N. On violence, its types and their criminal-legal reflection // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 4 (37). – S. 59-65.

13. Ignatov A.N. «Criminology tomorrow» is needed today // *Society and Law*. – 2016. – No. 4 (58). – S. 94-100.
14. Burovsky, A.M. *Household violence background. Literary reflections of a historian // Historical psychology and sociology of history*. – 2008. – No. 1. – S. 33-49.
15. Nazaretyan A.P. *Anthropology of Violence and a Culture of Self-Organization: Essays on Evolutionary-Historical Psychology*. – M.: LKI Publishing House, 2007. – 256 p.
16. Nazaretyan A.P. *Virtualizing Social Violence: A Sign of the Era? (detailed commentary to the article by A.M.Burovsky) // Historical psychology and sociology of history*. – 2009. – T. 2. – No. 2. – S. 150-170.
17. *Social violence in the past and present. Workshop materials* (A.P. Nazaretyan, A.V. Korotaev, D.A. Khalturina, L.E. Grinin, L.B. Alaev, V.A. Mel'yantsev, A.D. Panov) // *Historical Psychology and Sociology stories*. – 2008. – T. 1. – No. 1. – S. 79-120.
18. Pinker, S. 2011. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York, NY: Viking Adult.
19. Nazaretyan A.P. *Nonlinear Future: Singularity of the XXI Century as an Element of Mega-History // The Age of Globalization*. – 2015. – No. 2 (16). – S. 18-35.
20. Nazaretyan A.P. *Non-linear future*. - 4th ed. – M.: Argamak-Media, 2017. – 512 p.
21. Balashova N.A. *Virtualization of Violence as a Megatrend of Social Evolution // Age of Globalization*. – 2017. – No. 4. – P. 45-54.
22. Balashova N.A. *Physical and virtual space for the implementation of social violence // Historical psychology and sociology of history*. – 2012. – T. 5. – No. 2. – S. 136-147.
23. Ignatov A.N. *Information and cognitive technologies in the arsenal of methods of committing crimes // Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2020. – No. 11-2. – S. 82-89.
24. Ignatov A.N., Vishnevetsky K.V., Kashkarov A.A. *Conceptual foundations, directions and measures to counter criminal violence // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2018. – No. 2 (42). – S. 133-141.
25. Ignatov A.N., Semenova E.G., Ilyanovich E.B. *Interval methodology in the criminological study of the phenomenon of violence // Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2019. – No. 3. – P. 94-104.